

LOGRI

ВРЕМЯ ОТКРЫТЬ ГЛАЗА

Честная книга о жизни, деньгах,
потерях, взрослении
и перезапуске жизни

Алексей Логри

Ознакомительный фрагмент

Алексей Логри

Время открыть глаза

В этом фрагменте — аннотация, вступление, пролог и первая глава целиком. В конце — информация об авторе и ссылка для продолжения знакомства.

Номера страниц сохранены по полной книге. Полное электронное издание содержит 24 главы, эпилог, послесловие и вопросы для самостоятельной работы.

© Алексей Логри, 2026

Дисклеймер

Эта книга основана на личном опыте автора, его наблюдениях, решениях, ошибках и выводах. Она не является финансовой, инвестиционной, юридической, медицинской или психологической рекомендацией.

Любые решения, связанные с деньгами, бизнесом, карьерой, отношениями, здоровьем и образом жизни, читатель принимает самостоятельно и несёт за них личную ответственность. Упомянутые суммы и результаты описывают прошлый опыт автора и не являются обещанием будущего дохода.

Названия компаний, проектов, финансовых инструментов, фильмов и публичных явлений используются только как элементы личного контекста и авторского повествования.

Аннотация

Двадцать лет строить карьеру, уйти в своё дело, остаться без привычного дохода — и после сорока освоить работу, о которой раньше почти ничего не знал. Алексей Логри прошёл этот путь, заработал большие деньги и дважды пережил финансовое обнуление.

В книге «Время открыть глаза» он возвращается к решениям, которые привели его к этим поворотам. Бедное детство, родительские установки, работа по найму, собственная кофейня, заработок в интернете и крипто складываются в историю человека, который постепенно учится выбирать свою жизнь и отвечать за последствия.

Большие деньги позволили осуществить давние желания, но вместе с ними пришли жадность, эйфория и уверенность, что рост будет продолжаться. После потерь пришлось заново разбираться, что осталось у семьи, какие решения пора изменить и на что можно опереться, когда привычный доход исчез.

Эта книга адресована тем, кто устал жить на автопилоте, боится начинать заново или пытается подняться после собственной ошибки. Чужой опыт становится поводом задать себе неудобный вопрос: какую часть своей жизни я всё ещё откладываю — и что могу сделать уже сейчас?

Перед началом

Эта книга построена на реальных событиях. В ней сохранены хронология, личные сцены, финансовые решения и последствия, без которых история превратилась бы в набор правильных лозунгов. Некоторые эпизоды скомпонованы ради ясности, но смысл произошедшего не изменён.

Здесь нет обещания, что после последней страницы всё станет легко. Есть другое: возможность раньше заметить собственную клетку, не отдать следующую жизнь старым ошибкам и сделать один честный шаг.

Пролог. А что если это не твоя жизнь?

Ты можешь прожить много лет и ни разу по-настоящему не спросить себя: кто управляет моей жизнью?

Не графиком на работе. Не суммой на карте. Не списком дел на неделю. Я говорю о самой жизни: тем, что ты считаешь возможным, тем, чего боишься, тем, что откладываешь, тем, что называешь здравым смыслом, хотя это может быть старый страх, которому ты давно поверил.

Мы привыкли думать, что клетка, в которой сидит человек, построена где-то снаружи. Её построили родители, школа, государство, начальники, деньги, возраст, обстоятельства, война, кризисы, чужие решения. И во всём этом есть часть правды. Но есть и другая часть, более неприятная. Самая прочная клетка стоит внутри него, а не вокруг человека.

Ты, скорее всего, смотрел фильмы про Матрицу. Видел истории, где человек вдруг понимает, что реальность, которую он считал единственной, была программой. Мы смотрели «День сурка» и узнавали в нём что-то смешное, странное, почти фантастическое:

человек снова и снова просыпается в одном и том же дне. Но мало кто после таких фильмов задаёт себе простой вопрос: а что если моя матрица не снаружи? Что если её не создавали против меня? Что если я сам годами дописывал её внутри своей головы?

У каждого человека есть собственная матрица. Она звучит голосами близких и знакомых: мать просит не высовываться, отец говорит, что честно больших денег не заработать, сосед спрашивает: «Куда ты лезешь?» Коллега добавляет: «Это точно не для нас», начальник напоминает: «Радуйся, что у тебя вообще есть работа». Со временем эти голоса сливаются с твоим собственным страхом: поздно, смешно, всё равно не получится.

Сначала эти голоса принадлежат другим. Потом ты привыкаешь к ним. Потом начинаешь повторять их сам. И в какой-то момент уже невозможно понять, где закончились чужие слова и начались твои собственные убеждения.

Так создаётся внутренняя программа. Она говорит тебе, сколько ты можешь зарабатывать. На какой машине имеешь право ездить. В каких местах можешь отдыхать. Какой дом «не для тебя». Какие люди «выше» тебя, какие мечты слишком наглые и какая жизнь считается нормальной. И самое опасное в этой программе то, что она почти всегда выглядит разумной.

Представь обычное утро, телефон в руке, остывший кофе, где-то гудит чайник и ребёнок собирается в школу. В рабочем чате уже кто-то что-то требует. В голове мелькает привычная мысль: опять день сурка.

И вроде бы всё нормально. Так живут все. Работа, счета, пробки, новости, усталость, покупки, разговоры о том, что сейчас сложное время, что не всё так просто, что надо потерпеть, что у других тоже не сахар. Потом снова понедельник, снова месяц и снова год.

А потом однажды тебе сорок. Или сорок пять. Или пятьдесят. И ты вдруг чувствуешь, что годы были, дела были, ответственность была, но внутри почему-то нет ясного ощущения, что ты действительно жил свою жизнь. Ты вроде двигался, но не всегда понимал, куда. Вроде выбирал, но часто выбирал из того, что тебе уже заранее разрешили считать возможным.

Эта книга начинается с вопроса, который долго раздражал и пугал меня самого: а что если жизнь, которую ты называешь своей, состоит из чужих страхов, принятых за собственную правду?

Я знаю это состояние не из книг. Я прожил его. Двадцать лет я строил карьеру: продавец-консультант, руководитель, директор, коммерческий директор, директор по развитию, генеральный директор. Я был человеком, который вроде бы всё делал правильно. Работал, рос, отвечал, доказывал, тащил, запускал, управлял. Со стороны это могло выглядеть как нормальная взрослая жизнь. Даже успешная.

Но внутри всё чаще звучал другой вопрос: а моё ли это вообще?

Потом я ушёл из найма и открыл маленькую кофейню. В этом своём проекте было много страха, надежды и ощущения, что наконец-то делаю что-то по собственному решению. А потом в один день дверь закрылась, доход стал нулём. Все рассуждения о самостоятельности свелись к конкретному вопросу: чем платить дальше?

У меня были долги, жена, ребёнок, коммунальные платежи и школьные расходы. Отвечать за всё это приходилось даже тогда, когда я совсем не понимал, как справиться. Хорошо помню состояние: внешне ещё держишься, а внутри уже не знаешь, куда идти.

Через несколько месяцев после периода, когда я не понимал, чем закрывать коммунальные платежи, мой доход впервые достиг тридцати тысяч долларов за месяц. Такая цифра раньше принадлежала чужой жизни; теперь она появилась в моей.

За один день я другим человеком не стал. Я начал учиться новому делу, пробовать, ошибаться и повторять простые действия. Постепенно они привели к цифре, которую раньше было страшно представить как свою.

Я помню этот внутренний взрыв: как это возможно? Ещё недавно я думал, где взять деньги на обычные расходы, а теперь передо мной сумма, которую прежде мог представить только в чужой жизни. Привыкнуть к тому, что она моя, сразу не получалось.

В такие моменты реальность не меняется. Меняется твоё восприятие реальности. Ты вдруг видишь: многие стены, перед которыми ты годами стоял, были не бетонными. Они были сделаны из

убеждений. Из привычек, чужих фраз, старого опыта и страха оказаться смешным.

В январе 2021 года, кажется, ближе к концу месяца, я улетел с командой криптонов в Доминикану. Ехали на месяц, отдыхать и работать. За поездку сменили, по-моему, четыре отеля. Моя семья оставалась в Украине: январь, зима, холод. А вокруг жены нашлись люди, которые говорили: «Всё, он улетает надолго. Ты его больше не увидишь. Зачем ты ему нужна?» Я уезжал на месяц, а ей уже объясняли, что муж не вернётся.

Перед отъездом мы с женой ездили на автомобильную площадку в Харькове и смотрели Lexus RX 350 2007 года. Машина была уже немолодая, но нам нравилась. Своей машины у нас давно не было, и даже такой Lexus был для нас большой покупкой. Договорились между собой: когда вернусь, пойдём ещё раз посмотрим и, может быть, купим.

Примерно тогда же я обсудил с ребятами с площадки другой вариант. Я рассчитывал вернуться в конце февраля или начале марта и подумал, что могу успеть к 8 Марта. Хотел, чтобы машину подобрали в Киеве, меня встретили в Борисполе, помогли всё оформить и я уже на ней приехал домой в Харьков. Это должен был быть подарок жене. Она долго терпела наши ограничения. Мне хотелось сделать ей подарок с эффектом «вау», потому что она его заслужила.

В Доминикане я продолжал работать. За месяц со всех проектов и разных историй в сумме получилось около сорока тысяч долларов. Когда я это осознал, дал ребятам отмашку: давайте смотреть следующий кузов. Я думал о машинах примерно 2012 или 2014 года и впервые спокойно говорил себе: могу позволить. Мы очень хотели именно Lexus. Для нас это было роскошью, возможностью показать всем, что мы смогли. Даже старенький, но Lexus.

Мы связывались из Доминиканы, обсуждали всё по телефону, они присылали варианты. Потом написали: если добавить примерно пять тысяч долларов к сумме, на которую я изначально ориентировался, можно смотреть уже ещё более новый кузов — RX 350 2017 года. Тот самый, с рублеными формами, четвёртое поколение. Я офигел: неужели могу позволить себе такую машину? И согласился.

Они подобрали красно-бордовый Lexus RX 350, того фирменного цвета, который мне очень нравился. Визуально машина была шикарная. Я заранее перевёл задаток людям, которых толком не знал. Мы договорились: после моего прилёта всё оформим за один день, и в этот же день я уеду. Когда вылетал из Доминиканы, я уже знал, что в Киеве покупаю именно эту машину.

Но с возвращением возникла проблема. Насколько я помню, тогда была какая-то забастовка Air France, и вылететь из Доминиканы не получалось. Мой туроператор смог найти мне билет. Нас было почти сорок человек, и я улетел первым. Остальные вылетали кто через два дня, кто через три: не всем менеджеры их туроператоров смогли сразу решить этот вопрос. Мне решили.

На регистрации мне предложили за триста пятьдесят долларов перейти из эконома в бизнес-класс. Я согласился и оплатил апгрейд с карты. Это был мой первый полёт в бизнесе: стейки, приготовленные шеф-поваром, чилийское красное вино в бокалах. Я сидел и кайфовал. Всё это было непривычно шикарно и роскошно.

Из Доминиканы я прилетел во Франкфурт. До следующего самолёта оставалось, наверное, восемь или десять часов. Прямо в аэропорту снял крохотный номер — метра три, кровать и душ, больше ничего. Поспал часов пять. За этот маленький номер заплатил столько же, сколько за переход из эконома в бизнес-класс. Тут особенно почувствовал, насколько выгодным было предложение на регистрации.

В Киев прилетел около двух часов ночи. Естественно, в это время меня никто не встречал. Нашёл капсульный отель, и заселиться туда ночью оказалось отдельным квестом. Переночевал, а утром за мной приехал менеджер. Он забрал меня на машине, и мы поехали в обменник. Там я обменял крипту на наличные. Всё было в гривнах, поэтому денег получился полный рюкзак. Это была не вся стоимость машины. Я покупал её в кредит: первый взнос составлял примерно тридцать процентов цены, а сверху шли оформление, страховка и дополнительные расходы. На тот момент доходность инструментов в крипте, если сравнивать за год, была примерно в два с половиной раза выше годовой ставки по кредиту. К тому же доход я получал в крипте и долларах, а кредит был в гривне. Тогда мне казалось разумным

внести большую первую сумму, а остальные деньги оставить работать.

С этим рюкзаком мы приехали на переоформление. Именно там я впервые увидел машину вживую. Первый взнос я ещё не передал, а её уже оформляли на моё имя. Я сел в салон и не поверил, что это моя машина. Никаких нюансов не замечал: мне всё нравилось, я хотел её. После оформления сел за руль и выехал из Киева, по-моему, около трёх дня.

Я ехал в Харьков на своём Lexus и орал. Действительно орал, потому что не верил, что эта машина моя. Ещё недавно мы долго жили вообще без машины, потом присматривались к RX 2007 года и думали: может быть, купим. А теперь я ехал домой на красно-бордовом Lexus 2017 года, который до этого видел только на фотографиях. Всю дорогу я никак не мог поверить, что всё это происходит со мной. К 8 Марта я не успел: ещё был в дороге. Машина появилась у жены 10 марта 2021 года.

Потом были большие деньги. Потом были потери. Потом я снова заработал больше, быстрее, увереннее. Потом снова потерял. Были моменты, когда я чувствовал себя человеком, который смог. И были моменты, когда казалось, что я снова стою у разбитого корыта и не понимаю, как объяснить себе и семье, что произошло.

И всё же я могу говорить честно.

Я пишу о пути живого человека: как он рос в обычных установках, строил карьеру, ушёл в своё дело, начал заново после сорока и вошёл в нишу, о которой почти ничего не знал; как заработал деньги, к которым оказался не готов, потерял их и снова поднялся. На этой дороге мне пришлось понять: сами по себе деньги не спасают, если внутри нет системы.

Я не обещаю, что после этой книги ты станешь богаче. Я даже не обещаю, что ты станешь умнее. Чужой опыт сам по себе никого не спасает. Но я могу дать тебе концентрат своей дороги. Не красивую мотивацию, а живую выжимку: где человек сам себя ограничивает, где путает страх с разумом, где принимает чужую клетку за собственный выбор, где начинает видеть больше, но не успевает стать внутренне готовым к этому большему.

Возможно, именно там и находится дверь.

И прежде чем перейти к первой главе, я хочу оставить тебе один вопрос. Не красивый, не мотивационный, не философский для галочки. Вопрос, который может стать началом внутреннего движения.

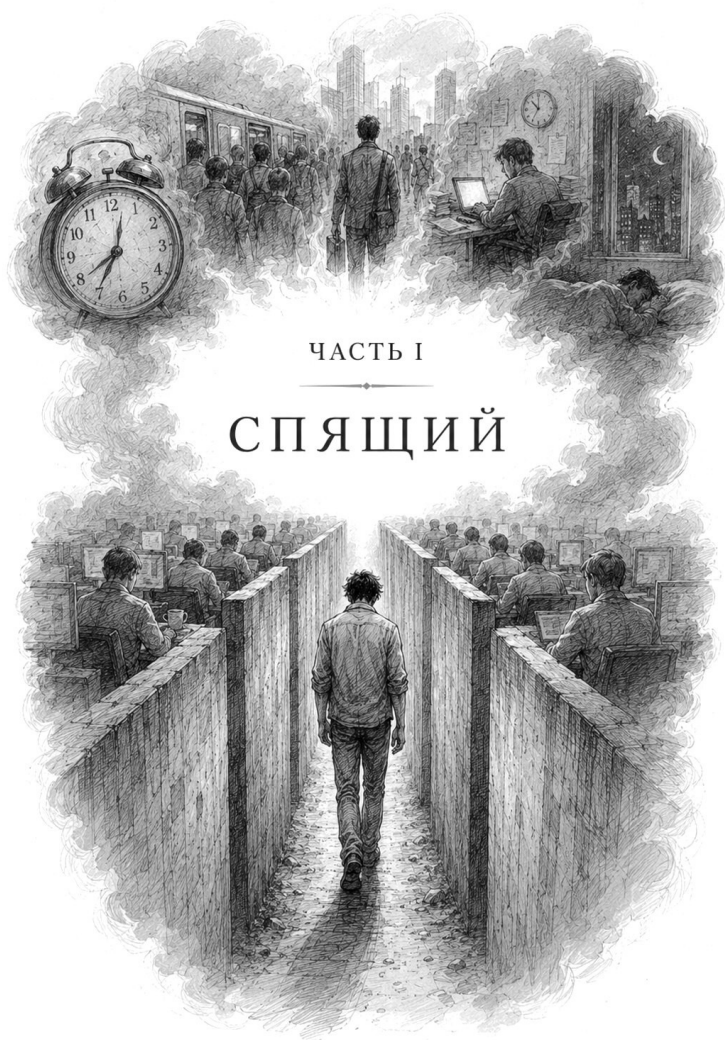
А что если это совсем не твоя жизнь?

Ты слишком долго жил по программе, которую никогда настоящему не выбирал.

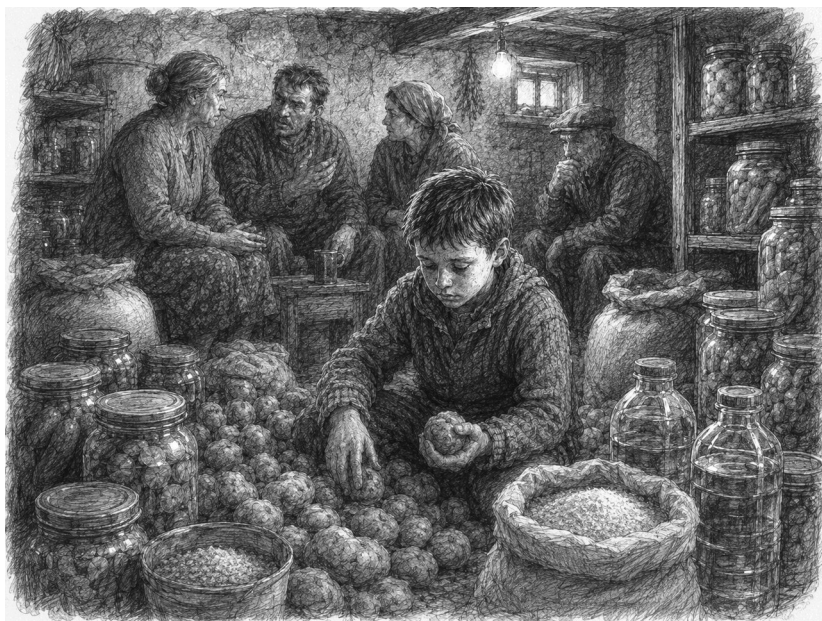
Если этот вопрос зацепил — идём дальше. Сначала туда, где чаще всего и строится первая клетка: в детство, в семейные фразы, в заботу, которая незаметно превращается в запрет.

ВРЕМЯ ОТКРЫТЬ ГЛАЗА

ЧАСТЬ I. СПЯЩИЙ

Глава 1. Самая дорогая ложь нашей жизни

Самая дорогая ложь приходит не как обман. Она приходит как забота, совет, семейная мудрость, осторожная фраза взрослого человека. И если ребёнок верит ей достаточно долго, она становится не чужим мнением, а внутренним потолком.

Если бы меня попросили назвать вещь, которая точнее всего описывает моё детство, я бы вспомнил погреб. Для человека, выросшего в Украине конца восьмидесятых и начала девяностых, это был семейный сейф. Вместо денег в нём лежали картошка, банки с консервацией, капуста, свёкла, морковь, лук, сахар, крупы и подсолнечное масло. При полном погребе зиму можно было встретить относительно спокойно. Пустой заставлял думать, чем кормить семью, если завтра снова задержат зарплату, из магазинов исчезнут продукты или цены вырастут так, что вчерашние расчёты превратятся в пустую бумагу.

Осень тогда была не временем красивых фотографий с жёлтыми листьями и кофе в бумажном стаканчике. Осень была большим

семейным проектом по подготовке к выживанию. Взрослые решали, сколько картошки нужно заложить на зиму, сколько банок закрутить, хватит ли капусты на квашение, где взять нормальное масло и у кого купить сахар не по самой грабительской цене. Дача была продолжением семейной экономики, а не местом отдыха. На неё ехали не расслабляться, а копать, сажать, поливать, собирать, таскать мешки и считать будущий урожай ещё до того, как он появится. Сегодня это можно назвать бытовой историей, но в то время такие бытовые истории определяли ощущение безопасности гораздо сильнее, чем любые разговоры о будущем.

Я помню, как взрослые обсуждали картошку с такой серьёзностью, с какой сегодня обсуждают курсы валют, цены на недвижимость или политические новости: сколько посадили, сколько выкопали, не побьёт ли урожай морозом, не сгниёт ли в погребе, хватит ли до весны. Хороший урожай действительно радовал. Не в переносном смысле, а буквально: он давал семье несколько месяцев более спокойной жизни. Плохой урожай означал, что зимой придётся выкручиваться. В таких условиях ребёнок очень рано понимает: жизнь состоит не из красивых обещаний, а из конкретных запасов, конкретных решений и конкретных действий, которые нужно сделать заранее, потому что потом может быть поздно.

Мясо на столе не было ежедневной нормой. Если в семье ели мясо раз в неделю, это уже могло считаться признаком относительного достатка. Люди жили намного скромнее, чем сейчас, но часто даже не называли это бедностью, потому что вокруг было примерно так же. Я в шестнадцать лет уже прекрасно знал, что такое нутрия и как её готовят. Сегодня для кого-то это звучит как экзотика или странная деталь из прошлого, но тогда это была обычная еда, один из вариантов прокормить семью. Старое варенье тоже не обязательно выбрасывали. Из него можно было сделать брагу, а потом самогон. Самогон был не только алкоголем и не только способом забыться после тяжёлой недели; он мог быть ресурсом, который обменивали, которым расплачивались, который имел вполне практическую ценность в мире, где денег часто не было вообще.

Когда современные фильмы показывают девяностые, они обычно любят романтизировать криминальную сторону того времени. Кожаные куртки, золотые цепи, чёрные автомобили, стрелки,

разборки, бандиты с тяжёлыми взглядами и короткими фразами. Всё это действительно существовало, но для большинства людей было страшным фоном, а не сутью жизни. Обычные семьи не делили заводы, рынки и сферы влияния. Обычные семьи думали, как прожить следующий день, неделю, месяц, чем накормить ребёнка, где взять деньги на обувь, что делать, если зарплату опять задержали. Пока кто-то красиво входил в историю криминальных хроник, миллионы людей тихо и ежедневно выживали без всякой романтики.

Советский Союз исчезал, а вместе с ним исчезала привычная система координат. Люди, которые десятилетиями жили с ощущением, что государство хоть как-то отвечает за их настоящее и будущее, внезапно оказались в мире, где никто ничего не гарантирует. Зарплату могли не платить месяцами, по полгода и даже дольше. Но люди продолжали ходить на работу, потому что другой работы часто не существовало, а надежда на то, что когда-нибудь всё-таки рассчитаются, была сильнее здравого смысла. Когда вместо денег выдавали сахар, мыло, дрожжи, консервы или ещё какой-то товар, это совсем не воспринималось как абсурд. Это воспринималось как очередная форма реальности, к которой нужно приспособиться.

Так возникала огромная народная экономика обмена. Один приносил домой мешки сахара и искал того, кому нужен сахар. Другой получал мыло и пытался обменять его на что-то более полезное. Третий имел дрожжи, четвёртый банки, пятый что-то ещё. Люди превращались в живые торговые площадки, потому что деньги существовали где-то в теории, а в реальной жизни их часто не было. Тогда у многих формировалось особое отношение к деньгам: если у человека они были, он уже считался успешным; если их было много, почти автоматически возникало подозрение, что честным трудом такое невозможно заработать. Эта мысль звучала на кухнях, во дворах, в очередях, в разговорах взрослых, и ребёнок впитывал её так же естественно, как впитывает родной язык.

К бедности добавлялся страх — фоновое ощущение, что вокруг небезопасно и рассчитывать нужно прежде всего на себя. Днём ходил транспорт, работали магазины, люди спешили по делам. С наступлением сумерек родители начинали искать детей, а дети знали, в какие дворы лучше не заходить. Взрослые обсуждали районы и улицы будто карту фронта. В чужом дворе могли возникнуть

неприятности, в чужом районе — тем более, особенно если ты один и выглядишь так, будто у тебя есть что забрать.

Фраза из игры «город засыпает, просыпается мафия» тогда имела почти бытового смысл. Как только темнело, многие места начинали жить по другим правилам. Милиция была милицией, не полицией, и вера в её защиту была очень условной. Люди знали: если что-то случится ночью, быстро и справедливо никто не прибежит. На улице начинало действовать право сильного. Гоп-стоп был частью реальности, а не словом из кино и не городской легендой. Могли забрать деньги, часы, куртку, обувь, а если одежда выглядела прилично, человека могли раздеть почти до белья. Всё это происходило не где-то далеко, а рядом, в тех же районах, где мы жили, росли, ходили в школу и пытались строить планы на будущее.

Кастеты, ножи, газовые баллончики, дубинки и другие средства самообороны многие воспринимали как способ повысить шанс спокойно вернуться домой, а не как атрибуты бандитов. Никто не хотел геройствовать. Никто не мечтал каждый вечер проверять себя на храбрость. Просто время было таким, что слабость слишком часто становилась приглашением для чужой агрессии. Даже автомобили жили по особым законам. Машина, оставленная на ночь во дворе, могла утром оказаться без дворников, фар, колёс или чего-то ещё. Гаражи закрывали на несколько замков, территории охраняли сторожа, рядом держали собак. Безопасность не предоставлялась автоматически; её приходилось создавать руками, замками, знакомствами, осторожностью и порой грубой силой.

В таком мире прошло моё детство. Этот мир создавал первые представления о том, что такое деньги, успех, сила, безопасность и будущее. В таком мире мечты очень быстро учились становиться практичными. Дети могли смотреть рекламу, восхищаться красивыми машинами, представлять какую-то другую жизнь, но реальность постоянно возвращала их во двор, к погребу, к разговорам взрослых, к очередям, к задержанным зарплатам, к мысли, что многое в жизни предопределено заранее. Если ты родился в обычной семье, если твои родители обычные люди, если вокруг все живут примерно одинаково, то очень легко поверить, что выше определённого уровня тебе не подняться.

Мне было около двенадцати лет, когда во двор заехала новенькая ВАЗ-2108. Сейчас эта машина вызывает у многих улыбку и ностальгию, но тогда она выглядела как символ другой реальности. Не просто автомобиль, а доказательство того, что где-то существует жизнь, в которой у людей есть выбор, деньги, возможности и вещи, недоступные большинству. Она казалась быстрой, красивой, современной, почти космической. Я стоял рядом с отцом и смотрел на неё с восхищением, не столько на металл, колёса и форму кузова, сколько на саму идею: однажды можно жить не так, как все вокруг.

Я сказал отцу, что когда вырасту, обязательно куплю себе такую. Он ответил спокойно, без злости и насмешки: «Ты сын шофёра. У тебя никогда такой машины не будет». Мы пошли дальше. Для него разговор, скорее всего, закончился в ту же секунду, а я возвращался к нему годами: сначала с обидой, потом с чувством несправедливости, затем как к вызову. Лишь спустя десятилетия понял, что отец говорил то, во что сам верил. Он передавал мне свою картину мира, не пытаясь сознательно лишить мечты.

Особенно трудно заметить ограничения, полученные от близких. В детстве мы доверяем им и принимаем их опыт за знание обо всём мире. Отец мог научить меня водить, ремонтировать двигатель, менять масло, выживать в знакомых ему условиях. О строительстве компании или больших деньгах у него собственного опыта не было. Теперь я понимаю, почему в его представлении моя мечта о машине выглядела невозможной.

Мать постоянно работала и стремилась подняться на ступень выше. Ей хотелось доказать, что она может больше и достойна лучшего. От неё я научился сопротивляться бедности, искать другой уровень жизни. Вместе с этим усвоил и потребность показывать окружающим, что живу лучше, добился чего-то, заслуживаю признания. Позже мне пришлось разбираться, где заканчивается моё желание и начинается попытка что-то доказать.

В детстве и юности я не мог так это сформулировать. Я чувствовал, что нужно быть хорошим, правильным, достойным, удобным. Нужно соответствовать. Нужно не разочаровывать. Нужно делать так, чтобы никто не сказал о тебе плохо. Снаружи это кажется вполне благородным набором качеств. Кто поспорит с тем, что человек должен быть порядочным, честным, справедливым, готовым

помочь? Проблема начинается тогда, когда всё это превращается не в выбор, а в обязанность быть удобным для всех, кроме самого себя.

Школа только усиливала этот внутренний сценарий. В ней всё казалось простым и понятным: отличники — молодцы, троечники — проблема. Хорошие оценки будто обещали хорошую жизнь, плохие оценки — будущие сложности. Взрослые повторяли, что нужно учиться, получить профессию, найти нормальную работу, не заниматься ерундой и не рисковать. Тогда это звучало логично. Позже жизнь показала, что логика была неполной. Многие отличники, которыми восхищались в школе, прожили самую обычную жизнь, а многие троечники создали бизнесы, проекты и карьеры, потому что реальный мир награждает не только за знание правильного ответа, но и за способность выкручиваться, рисковать, договариваться, ошибаться и снова вставать.

У меня два высших образования, и я не проработал по ним ни дня. У моей жены тоже два высших образования, и история во многом похожая. Смысл был в другом: общество слишком часто заставляет человека выбирать дело жизни в возрасте, когда он ещё не знает самого себя. В восемнадцать лет многие не понимают, чего хотят, кем являются, что им интересно, где их сила и что им противопоказано. Но в этом возрасте от них ждут решений, которые должны определить десятилетия будущего. А если выбор сделан не из понимания себя, а из страха, давления и чужих ожиданий, то позже человеку приходится расплачиваться годами жизни.

Когда мне было восемнадцать-двадцать лет, я уже был женат и воспитывал ребёнка. Тогда мне казалось, что я взрослый, самостоятельный и примерно понимаю, как устроен мир. Сегодня я вижу, насколько молодым был. Многие решения я принимал без глубокого понимания: так было принято, так складывались обстоятельства, этого ждало окружение. Жизнь будто сама подталкивала меня по готовому маршруту: семья, работа, ответственность, карьера, стабильность. Внешне всё выглядело правильно. Внутри что-то начинало сопротивляться, но этот голос долго был слишком тихим.

Мечты тоже были другими. Они редко начинались с вопроса о предназначении, таланте или смысле. Чаще мечта выглядела как желание выбраться из общей серости. ВАЗ-21099 казалась мне

машиной очень обеспеченного человека. Красная двухдверная BMW, на которой однажды приехал сосед, выглядела уже не просто машиной, а доказательством того, что где-то есть жизнь почти недоступного уровня. Квартиры, дома, капитал, свобода, собственные системы дохода — всё это было слишком абстрактно. Машина была понятнее. Её можно было увидеть во дворе, потрогать взглядом, услышать звук двигателя и представить себя внутри. В мире, где у многих не было уверенности даже в еде на зиму, автомобиль становился не транспортом, а символом выхода из предписанной роли.

При этом в семье и вокруг семьи постоянно звучали две противоречивые программы. С одной стороны, деньги были желанны, потому что без них жизнь быстро превращалась в борьбу за элементарное. С другой стороны, большие деньги вызывали подозрение, зависть и страх. Отец мог искренне считать, что богатство почти всегда связано с чем-то нечистым, и одновременно быть щедрым человеком, который легко угощает, помогает, кормит друзей и раздаёт больше, чем может себе позволить. Мать могла мечтать о красивом доме, хорошей машине, достатке и признании, но вместе с этим показывать, что жизнь часто превращается в бесконечную попытку всем доказать: мы не хуже, мы тоже можем, мы тоже достойны. Из этих противоположных энергий внутри ребёнка складывается очень сложная смесь — желание больших денег и одновременный страх перед ними, стремление к успеху и постоянная потребность оправдываться за это стремление.

Фраза отца про сына шофёра была только одной из таких установок, но она хорошо собрала в себе дух той среды. В ней было не столько презрение, сколько граница, будто мир заранее разделён на этажи, и каждый должен знать свой. На одном этаже живут те, кто может мечтать о хорошей машине, на другом — те, кто может смотреть на неё со стороны. Никто не запрещает тебе хотеть, но само желание как будто считается наивным. И если ребёнку достаточно часто объяснять, где его место, то однажды он начинает принимать эту карту мира за настоящую. Потом ему приходится тратить годы не только на то, чтобы заработать деньги или добиться результата, но и на то, чтобы внутренне разрешить себе хотеть большего.

В школе это ощущение места закреплялось по-своему. Там тоже существовала понятная иерархия: отличники, хорошисты, троечники, проблемные. У каждого вроде бы было своё будущее. Отличники должны были стать серьёзными людьми, троечники — как-нибудь выкручиваться. Но, если смотреть честно, троечники часто учились главному навыку реальной жизни: выкручиваться. Они придумывали объяснения, договаривались, лавировали, искали обходные пути, где-то проваливались, где-то выплывали. Школа называла это плохим поведением или слабой дисциплиной, а жизнь позже называла гибкостью. Я не призываю плохо учиться. Я говорю о другом: нельзя путать школьную модель успеха с жизненной. В школе тебя оценивают за правильный ответ, а жизнь чаще проверяет, способен ли ты действовать, когда правильного ответа нет вообще.

В такой среде удобность становится способом выживания. Если у тебя нет силы и защиты, ты пытаешься заслужить принятие: быть хорошим, полезным, справедливым, не создавать лишних проблем. Когда в детстве тебя унижают или давят, легко связать безопасность с незаметностью: поменьше спорить, не раздражать сильных, лишний раз не высовываться. Позже эту привычку можно принять за воспитанность. Человек давно вырос, а внутри всё ещё старается не попасть под раздачу.

Я много лет считал порядочность и удобность почти одним и тем же. Только позже понял, что между ними огромная разница. Порядочность — это внутренний выбор не предавать свои ценности. Удобность — это привычка предавать себя, чтобы не расстроить других. Порядочный человек может сказать нет. Удобный человек говорит да, а потом злится на себя, на других, на жизнь и на обстоятельства. Порядочный человек способен помочь, когда действительно хочет и может. Удобный человек помогает даже тогда, когда внутри всё сопротивляется, потому что боится показаться плохим. Такая жизнь внешне выглядит прилично, но внутри постепенно накапливает усталость, обиду и ощущение, что ты постоянно играешь роль, которую сам не выбирал.

Наверное, в результате вопрос «а это вообще моя жизнь?» однажды становится почти физической болью, а не красивой философской формулой. Ты смотришь назад и видишь не только ошибки, но и десятки решений, принятых по инерции. Женился,

потому что так сложилось и так надо. Работал там, где было стабильно, потому что стабильность казалась главным доказательством взрослости. Терпел людей, потому что не хотел конфликтов. Старался выглядеть сильнее, успешнее и увереннее, чем чувствовал себя внутри. Доказывал, что чего-то стоишь, хотя никто не мог выдать тебе окончательный сертификат ценности. Однажды становится ясно: если продолжать так же, можно прожить ещё десять лет и снова обнаружить себя в той же точке — постаревшим, уставшим и злым.

Позже я построил карьеру. Прошёл путь от продавца-консультанта до руководящих должностей, работал менеджером, директором, запускал магазины, управлял филиалами, занимался развитием и коммерцией. Со стороны это выглядело как движение вверх. Многие могли сказать, что я всё делаю правильно, что у меня нормальная работа, нормальная карьера, нормальные перспективы. Но там постепенно появилось ощущение, которое сначала невозможно было описать словами: будто я иду по дороге, которую выбрал не сам, будто всё, что считается успехом, почему-то не даёт ощущения свободы.

Особенно сильно это чувство стало проявляться ближе к возрасту, который тогда казался опасной границей. В те годы очень часто можно было увидеть в вакансиях ограничения по возрасту: до тридцати пяти, до сорока, до сорока пяти. Я понимал, что если однажды оступлюсь, если потеряю позицию, если упаду на ступень ниже, то могу оказаться никому не нужным. Это был страшный момент. Ты вроде бы взрослый, опытный, уже чего-то достиг, но вдруг понимаешь, что вся твоя устойчивость держится на должности, визитке и чужом решении платить тебе зарплату. Стоит этому исчезнуть — и вся конструкция начинает шататься.

Тогда впервые зазвучала мысль о собственном деле. Должность, визитка и чужая зарплата больше не казались фундаментом: одно решение наверху могло уменьшить мою жизнь до четырёх слабых регионов и урезанной зарплаты. Я ещё не знал, что впереди будут кофейня, интернет и крипто. Знал другое: если ничего не менять, следующие десять лет пройдут в том же коридоре.

Большую часть жизни я старался быть удобным: для родителей, друзей, начальников, партнёров, общества. Хотелось оставаться

хорошим, порядочным, справедливым, не создавать проблем и не спорить без необходимости. Я слишком часто сверял решения с чужой реакцией. За это приходилось платить своими желаниями: соглашаться, терпеть, молчать, а потом злиться на себя.

На честный вопрос ушли десятилетия: какую жизнь я выбрал бы без страха и чужих ожиданий? Полного ответа у меня нет до сих пор. После того разговора с собой готовый сценарий перестал казаться единственным.

Об авторе

Алексей Логри — предприниматель, автор книги «Время открыть глаза» и нескольких практических курсов, посвящённых изменению восприятия действительности и собственной жизни.

Родился в Советском Союзе, школу закончил в начале девяностых. Его взросление пришлось на время, когда привычные правила жизни менялись на глазах, — с возможностями и тяжёлыми последствиями тех перемен.

За плечами — учёба в мореходке, два высших образования и профессиональный путь от закройщика верха обуви и продавца-консультанта до генерального директора национальной компании. Запускал собственные бизнесы: кофейню у дома, офис по продаже строительных и отделочных материалов, торговлю охлаждённой курицей.

После сорока освоил новые для себя направления: создание YouTube-контента, ведение блогов, заработок на партнёрских программах и криптовалюту. Вышел на большой доход и накопил значительный капитал, который дважды потерял. После первой потери смог восстановиться. Книгу «Время открыть глаза» писал уже после второй, когда вновь пришлось искать опору и начинать заново.

В своих текстах и курсах разбирает собственные решения и ошибки, показывает, как не повторять болезненные стороны его пути. Предлагает задавать себе неудобные, порой болезненные вопросы, которые заставляют иначе посмотреть на свою жизнь и отношение к ней.

В книге этот опыт соединяется с размышлениями о семье, ценностях, возрасте и ответственности за свой выбор — особенно когда от твоих решений зависит жизнь людей, которые тебе доверились.

Продолжить знакомство

Ознакомительный фрагмент завершён.

В полной книге история продолжается: карьера, собственное дело, освоение новых направлений после сорока, большие деньги, потери и решения, из которых складывается новый старт.

Материалы автора и информация о книге — в Telegram-канале LOGRI.

<https://t.me/L0GRI>

